

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ

Кирилл Ефремов,
антрополог,
публицист, старший
преподаватель РГГУ

Всё начинается с мифа

Дети — непростая аудитория. Если им скучно, перестанут слушать, «загудят». Особенно если слушать никто не заставляет — как это происходит на занятиях в лагере «Кавказ» (г. Анапа), где я преподаю курс экологии в рамках программы «Всеми учит море» (НО № 3, 2002 и № 3, 2003). Мои ученики — люди разные и подвижные. Поэтому внимание на занятиях иногда рассеивается. Можно, конечно, постучать указкой по столу: «Тихо!» Однако я предпочитаю другие приёмы. Например, упомянуть какие-нибудь «околонаучные чудеса». О, как сразу загораются их глаза! Как они требуют рассказать о пришельцах, лох-несском чудовище или снежном человеке!

Но что происходит? Образованные дети в компьютерную эпоху верят во всякую чепуху? Так ведь и взрослые от них не отстают: охотнее покупают газеты про «сенсации и загадки», нежели научно-популярные журналы. Почему?

Общество испытывает потребность в мифе потому, что такая потребность заложена в самой сущности человека. Философ Макс Вебер утверждал, что общество отказалось от мифа. Раньше, мол, люди были суеверны, верили в сказки, а затем восторжествовали рационализм и научные истины. Другие философы — Пол Фейерабенд и Эрнст Кассирер — заметили обратное: люди вовсе не отбросили миф, а просто его обновили — на смену суевериям пришли научные или паранаучные мифы (да и суеверий осталось предостаточно).

Что же такое миф? В XX веке специалисты перестали видеть в нём «наивные сказания древности», в которых нужно отыскать «историческую правду». Стало ясно, что это вовсе не «примитивная попытка» объяснить устройство мира и повлиять на него, а сама форма взаимоотношения человека и мира, а ещё точнее — человека и другого человека. Миф позволяет общаться с самим собой, с другом и врагом, с целым обществом. Отсюда вытекают основные функции мифа:

- 1. Аксиологическая.** Установить общие ценности («что для нас хорошо и что плохо») как средство самоопределения и даже восхваления своего коллектива, сформировать образ «народа-избранника».
- 2. Телеологическая.** Объяснить происхождение и цель коллектива: «откуда мы пришли и куда идём».
- 3. Праксеологическая.** Изменить мир совместными усилиями, предсказать и истолковать результаты («построим город-башню, где все будут счастливы»).
- 4. Коммуникативная.** Сплотить людей, позволить им общаться в русле единого культурного контекста.
- 5. Гносеологическая.** Объяснить и описать явления мира.
- 6. Компенсаторная.** Придать картине мира целостность, компенсировать незнание, избавляя человека от неудовлетворённости.

Миф — важное средство воспитания. С его помощью ребёнок решает сложнейшую задачу: не просто научиться тому, что умеют другие люди, а прежде научиться их понимать. Когда человек приходит в этот мир, его сознание — чистый лист бумаги, заполняя который ребёнок получает знания из своего опыта и из уст других людей. В первом случае он доверяет своим ощущениям, а во втором — только чьим-то словам, насыщая их ассоциациями, домысливая, воображая. Так рождаются два знания: эмпирическое и символическое. Во все времена люди старались не смешивать их, разделяя сферы обыденного и чудесного, профанного и сакрального, реальности и мифа.

Что придаёт рассказу характер мифа? Во-первых, *запредельность* пространства, времени и причинности: «Давным-давно они жили, в некотором царстве, а откуда появились — никто не знает». Во-вторых, компонент *страха*: «Попали они в тёмный-тёмный лес». В-третьих, *воинственность*, героические действия: «Одолели они чудовище и отрубили ему голову».

Формируя свою картину мира, ребёнок охотно слушает сказки и истории, но никак не научные доклады. Он фантазирует, выдумывает и играет, а не только копит наблюдения. Подрастая, ребёнок смотрит художественные фильмы и спектакли, читает книги. И хотя их герои и события вымышленные (то есть мифические), ребёнок всё равно отдаёт им предпочтение. Почему? Это же так нерационально! Не лучше ли сразу постигать истину? Не читать глупые сказки, а начать с энциклопедий? Полагаю, то, что ребёнок предпочитает миф, — это норма человеческой психики, ведь она зиждётся на биологической программе выживания.

Выше я привёл известную метафору о чистом листе бумаги, чтобы затем её и отвергнуть. Сознание младенца — отнюдь не «чистый лист». Его лучше сравнить с новым компьютером, память которого не пуста: в ней содержится программа ввода-вывода информации BIOS, установленная ещё на заводе.

У человека тоже есть свой «BIOS», определяющий врождённые предпочтения и стратегии поведения, присущие виду *Homo sapiens*. Каковы же они? Назову несколько важных черт. Среди всех приматов человек — это самый мигрантный и самый воинственный вид, и вместе с тем слабо защищённый, поэтому боязливый.

В мире живой природы осторожность — один из главных законов.

Даже имея когти, панцирь или иные меры защиты, животные сохраняют способность бояться. Вдобавок к врождённой боязливости они получают от родителей порцию страха при обучении:

вот этого бойся! Так, медведица, почуяв запах человека, в страхе бежит, подгоняя своих медвежат болезненными ударами. И даже ничего толком не рассмотрев, медвежата получают знание, а по существу, «миф»: так пахнет кто-то необычайно опасный! Стратегия выживания требует: лучше «перебоиться», чем «недобояться».

Человек боится не всего и вся. Страх вызывают только некоторые стимулы — архетипы, такие, как антропоморфное существо, змея, водная пучина, мертвец (близ которого, вероятно, затаился хищник-убийца). Ребёнок боится этих образов без всякого научения. Для предков человека страх перед ними стал элементом выживания. Именно архетипы страха делают волнующими мифы, например, о снежных людях, драконах, Атлантиде, о «зловещих мертвецах».

Одновременно со страхом человек способен испытывать ярость, атаковать врагов, будь они даже намного сильнее. Эта черта позволила ему вытеснить всех конкурентов: из десятка видов двуногих приматов на Земле остался единственный — *Homo sapiens*. Воинственность — недавнее эволюционное приобретение, не такое глубокое, как страх. Поэтому она требует более настойчивого воспитания: преодолей свой страх, будь сильным, нападай! Мотивация ярости находит созвучие в героических мифах.

Но нападать на ближних равносильно самоистреблению. Поэтому человек приучился выплёскивать свою воинственность на внешнего врага, искать его, перемещаясь в пространстве. Мигрантность тоже новая черта (прочие приматы — домоседы). И для её воспитания служит ещё один архетип: хорошо там, где нас нет.

Если стратегия опасаться присуща всем людям, то собираться в поход и нападать — в основном мужчинам. Женщине важнее развить в себе чуткость к социальным отношениям, к родственным связям, научиться любить и растить ребёнка. Оттого-то мужской воспитательный миф в первую очередь сообщает о страшном, запредельном и героическом. И мальчишки, чтобы стать мужчинами, не открывают

глаз от фильмов ужасов, боевиков и приключений-путешествий, обожают все эти бессмысленные космические саги. Девочки же предпочитают «мифы-мелодрамы». Привязанность к биологическим стратегиям придаёт мифу эмоциональную (а не только информационную) значимость.

Это лишь кино

Получая образования в русле научного мировоззрения, дети всё равно тяготеют к мифу. Нужно признать: школьная наука порой кажется им скучной и оторванной от жизни, ибо не даёт пищу для эмпирического знания. Не много в ней и созвучия архетипам: нет ни волнующего страха (разве что страх перед двойкой и отцовским ремнём), ни духа войны или путешествия (поэтому, кстати, такой яркой альтернативой детям кажется скаутское воспитание). Будучи символическими по форме, школьные знания часто являются типичным мифом, поскольку требуют простого принятия на веру.

Когда я объясняю этот факт (и вообще мифологическое мышление) на лекциях для студентов-психологов, то привожу в качестве примера сценку из известного мультфильма «Король-Лев».

«— Как ты думаешь, Тимон, что это там наверху? — Спрашивает кабан Пумба, лёжа на спине и глядя на звёзды.

— Я не думаю, я знаю! — Уверенно отвечает Тимон (забавный зверёк сурикат). — Это светлячки. Они прилипли к небесному своду.

— Ну надо же! — Изумляется Пумба. — А я считал, что это гигантские сгустки плазмы, пылающие за миллионы световых лет отсюда!»

У каждого персонажа свой миф. Мы тоже лишь верим, что звёзды — это сгустки плазмы, в то время как некий абориген столь же твёрдо убеждён, что это костры небесных жителей, и переспорить его невозможно. Всё это знания, полученные от других людей, их не проверишь на личном опыте.

То, что лучший критерий истины — практика, справедливо для эмпирики.

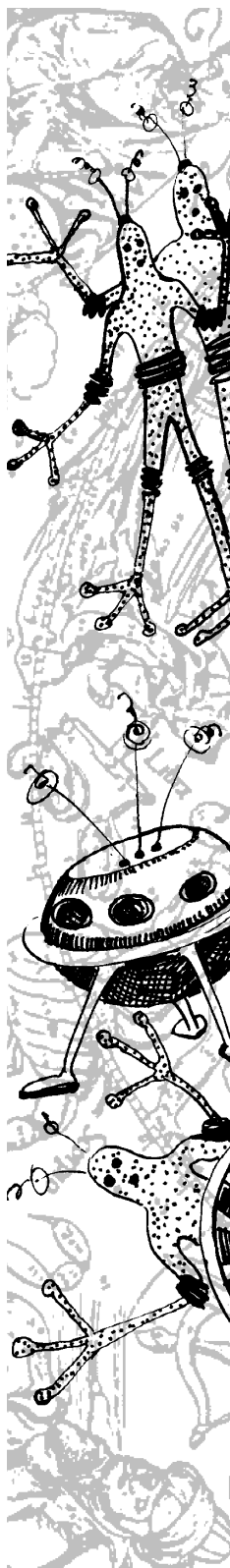
Для мифа таким критерием становится вера («верю, значит, правда»). Лет двести назад школьники были обязаны учить такие «истины», которые нам кажутся смешными. Но и сегодняшние «школьные истины» далеки от профессиональных представлений. В этом нет ничего дурного. Ведь задача школы — не столько информировать, сколько социализировать, создавать культурный контекст, чтобы люди одного общества понимали друг друга. А это и есть работа мифа.

По сути, школа — лишь один из «агентов мифологического воспитания», наряду с кино и прочими веяниями массовой культуры. Она формирует примерно половину потока «воспитательной» информации. При этом люди — живые люди — отдают предпочтение второй части потока: знанию, которое созвучно архетипам их души. Чем и пользуется коммерческая, массовая культура.

Кому-то такие идеи покажутся не слишком педагогичными, как и то, что я привёл в пример американский мультфильм. Наши дети и так смотрят одно «штатовское» кино, а о своей культуре позабыли. Действительно, Россия подвергается мощной экспансии (культурной, этической, технологической, какой угодно), важным элементом которой — кино из США. Программа ТВ просто испещрена им. В большинстве это устаревшее, дешёвое кино, далёкое от искусства. В Россию оно поступает, как изношенные автомобили или иные отходы, нуждающиеся в утилизации.

Однако встречается и качественное кино, создаваемое не только ради прибыли, но и для воспитания нации (да и целого мира). Американцы на практике используют ленинскую идею: «Из всех искусств для нас важнейшим является кино». В каждый фильм, как витамины в йогурт, добавляется доза общественных мифов: образ «истинного» американца, героя. Нестыковки и фантастичность сюжетов «блокбастеров» — это сознательные ходы, подчёркивающие мифологичность действия.

Кино превращается в «высокую технологию» воспитания. Тот же мультфильм «Король-Лев» — не только яркая сказка, принеся миллионные прибыли. Он воспитывает у детей экологическое сознание, этику ненасилия, философию «здесь и теперь», представления о долге и самопожертвовании. Однако, соперничая и воспитываясь, ребёнок всё равно понимает: «это лишь кино», — миф и реальность не тождественны.

Миф — это повод задуматься

Вернёмся ab ovo — к детям, на занятия. Пусть яйца поучат курицу, ибо ученики помогают мне осмыслить закономерности общественного сознания. В ответ я стараюсь знакомить их с миром идей, с концепцией мифа. Такая «неформальная информатика» кажется детям очень интересной. Всё начинается с того, что они просят:

— Расскажите об инопланетянах!

О Бермудском треугольнике!

— Вы сейчас сами расскажете.

Предположим, вы — журналисты, которым надо сдать статью в завтрашний номер. Скорее! Предлагайте, чем можно объяснить таинственные исчезновения в Бермудском треугольнике!

— Там вход в параллельный мир!

— Версия принимается. Давайте ещё.

— Там динозавр! Летающие тарелки!

Секретное оружие! Атлантида!

— Добавлю: топить корабли могут гигантские пузыри метана со дна океана. Мы набрали добрый десяток версий. Все они равноценны. Вы можете написать обо всех сразу, но лучше каждую версию подать в отдельной статье под заголовком: «Сенсация: тайна Бермудского треугольника раскрыта!» Дело хорошее — получите не один гонорар.

Вот вам пример, как создаются штампы массовой культуры. Скажу по секрету, что эта тайна раскрывается очень просто. Взгляните на карту: Бермудский треугольник — это не маленькое таинственное место, куда закрыт путь людям, а огромная площадь, где пролегает... одна из самых оживлённых транспортных сетей в мире,

постоянно снуют корабли, яхты, самолёты. А океан в этом месте непростой. Разумеется, число аварий здесь выше, чем в других местах, — просто по законам статистики.

— И всё-таки необъяснимые явления бывают. Кто-нибудь из вас знает об этом? — Все поднимают руки. — А кто был очевидцем? — Поднятые руки дрогнули, но всё равно их много. Тогда я прошу рассказать. И начинается:

— Я читал в газете...

— А вот у меня друг...

— Мой папа однажды...

— Нет, нет и нет, — прерываю я ребят. — Допускается только рассказ очевидца: ни газета, ни папа не подходят.

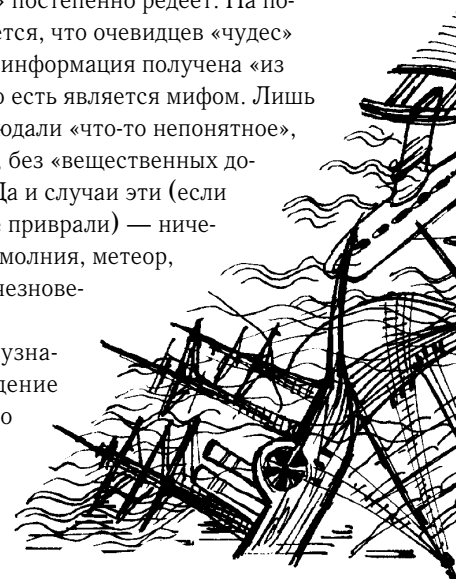
«Лес рук» постепенно редет. На проверку оказывается, что очевидцев «чудес» почти нет. Вся информация получена «из вторых рук», то есть является мифом. Лишь немногие наблюдали «что-то непонятное», причём издали, без «вещественных доказательств». Да и случаи эти (если рассказчики не приврали) — ничего особенного: молния, метеор, непонятное исчезновение предметов.

Так дети узнают, что наблюдение принимается во внимание наукой, только если описано очевидцем,

а лучше — несколькими, да ещё и непротиворечиво (как свидетельские показания). А чтобы признать наблюдение объективным, оно должно быть точным, то есть выражено языком цифр. Не просто «во-от такая огромная!», а — сколько метров и градусов, какой цвет и консистенция. Подобные вопросы обескураживают и даже злят рассказчика: вот привязались! Неудивительно, ведь мы пытаемся выйти из мифа в реальность, выявить правду.

Впрочем, и с ней не всё так просто. Вначале дети убеждены:

— Миф — это неправда, а реальность — правда.

— А что за «правда» такая?

— Правда — это рассказ о том, что существует на самом деле.

— А как ты докажешь, на «самом» ли деле? Докажи хотя бы, что существует этот большой мир. Я так считаю, что он выдуман.

— Существует: я его вижу, могу потрогать!

— А то, что нам снится, — существует?

— Нет, конечно.

— Но звезду ты не можешь потрогать, а днём даже увидеть. Зато сновидения ты видишь, и слышишь, и осязаешь, они могут принести тебе радость или ужасно напугать. Что же реальнее?

И с удивлением дети понимают: нельзя доказать, существует мир или нет, человек может познать его только через чувства (позиция эмпиризма). Философы лишь условились считать его существующим, это постулат.

С тем же успехом мир может быть, например, компьютерной программой — как в фильме «Матрица» (все смотрели, все кивают). В Индии люди поняли это ещё тысячу лет назад, создав образ «мир игры пушоты».

— И всё-таки сон и явь различаются. Чем

же? Подумайте.

Простой вопрос! Но какое напряжённое размышление читается на лицах. Оказывается, не такой уж простой.

В древнем Тибете создали особую «йогу сновидений»: если человек научится управлять снами, то перенесёт это умение на реальность, которая также есть один из уровней сна...

На самом деле реальность и так управляется лучше сна. Вот и отличие: реальность более достоверна и управляема. Скажем, во сне за дверью вашей комнаты может оказаться станция метро, а в реальности — именно комната. Хотя убеждённости

в этом не абсолютная (100%), а только достоверная (выше 95%). Эмпирическая истина всего лишь более вероятна, чем «не-истина». Сказав это моим недоверчивым слушателям, я привожу такой пример:

— Возьмём что-нибудь вполне реальное, скажем, эту спичку, — и положим её в ящик стола. Вы уверены, что она в ящике. А я считаю, что эта спичка больше не существует: она исчезла из нашего мира! Та-ак, открываем ящик, достаем её обратно: всё-таки она существует! Кстати, как вы докажете, что это та же самая спичка? Смеётесь? Тогда подойдите-ка поближе...

Открывается ящик, и ребята ахают: в нём лежит целая сотня спичек... Неизвестно, какую я вынул: ту, которую показывал? Или иную? А где же «та»?

— Есть ситуации, когда спрятанные вещи исчезают для вас безвозвратно, а правда становится недоказуемой. Позвольте, но ведь на практике вы чётко различаете, где миф и реальность, документальное и художественное кино. Почему? Потому, что миф даёт знать: «Я — неправда».

Миф о природе

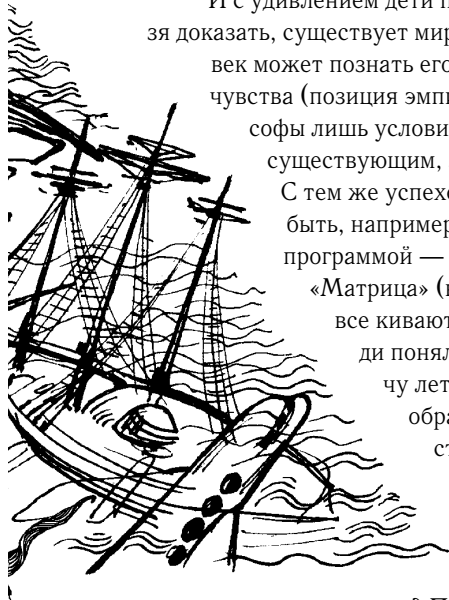
На вводном занятии я показываю детям экспонаты, всякую всячину: ракушки, зуб сивуча, иглу дикобраза, стеклянную банку, разбитую молнией. А ещё разрубленный позвонок:

— Это был крупный зверь, больше человека. Как вы думаете, кто? Кр-р-рупное млекопитающее (здесь я хожу вразвалку). Подсказка: я нашёл этот позвонок неподалёку, в дюнах у самого моря.

И всегда дети начинают перечислять представителей дикой природы:

— Медведь! Динозавр! Тигр! Кит! — Потому, что воспитаны на мифах о ней.

— А ведь на самом деле, — говорю я им, — дикой природы здесь не осталось: человек окультурил эти земли. Тысячи лет назад встречались и тигры, и кабаны, а теперь самый большой зверь — кролик. Позвонок же этот принадлежит всего-навсего корове: люди кушали говядину...

Отсюда я перехожу к разговору о заповедниках, о самоценности мира дикой природы, об экологической этике. Но в данной статье этот пример помогает подвести к одному парадоксу: в «стране лесов» люди познают природу посредством мифа и потому отчуждаются от неё. Не секрет, что экологические ценности стоят у россиян далеко не на первом месте. Безразличие к ним рождает стратегию «расхищения природы».

А ведь образование нашего ребёнка начинается именно с «лесных сказок», где «жили-были» волк, медведь, заяц, лиса. Постепенно развивается устойчивая ассоциация: природа — это далёкий от реальности мир. Какой смысл беречь природу, если это всего лишь выдумка, детская сказка. Скорее всего, и то, что говорят природоохранники, — ещё одна сказка.

В России дети более равнодушны к идее дикой природы, чем на Западе. На них, например, не производит впечатления тот факт, что без охраны дикий тигр скоро исчезнет с лица Земли.

— Ваши внуки будут считать его вымершим животным.

— Ну и что? (Тигр и так воспринимается ими как нечто запредельное, наряду с динозаврами.)

— И вообще, какие внуки? (Они ведь даже не думают о женитьбе и детях — это считается неприличным.)

Американцев этот же факт убедил выделить немалые средства для охраны тигра. Ибо там для природоохранной пропаганды создана хорошая почва. В частности, это идеи об исключительной ценности семьи (следовательно, потомков), а также свободы — даже для диких зверей. В шемпящей повести Глендона Свортаута «Благослови зверей и детей» подростки-неудачники убегают ночью из лагеря, совершают настоящие подвиги, чтобы выпустить на свободу бизонов, предназначенных для планового отстрела. Это 1970-й год. В 2000-м тенденцию

завершает популярный фильм «Free Willy», где «трудный» подросток освобождает кита-косатку.

Средний россиянин, ребёнок и взрослый, не освободитель, а потребитель: дровосек, грибник, рыболов, охотник, берущий у природы, сколько может унести. А если он едет на пикник, то старается как можно явственнее отметить место своего пребывания. Территориальная агрессия у людей очень высока, особенно у молодых, которые, собственно, и режут кору, бьют бутылки и разводят костры до небес. Зажигалка буквально «жжёт» подростку карман: её хочется достать и подпалить хоть что-нибудь (траву, листочки объявлений, кнопки в лифте, сигарету, вставленную в зубы).

Едва ли нужно считать, что российский подросток ведёт себя так потому, что слушал сказку про Колобка. Но, возможно, мифологизация природы — это особый, неучтённый фактор. Интересно, что западные дети чаще внимают «городским сказкам», в которых участвуют люди (мальчик, принцесса), а если и животные, то домашние или хотя бы спутники человека: не заяц и волк, а Том и Джерри, поросёнок Бейб, 101 далматинец.

Если же западная сказка посвящена дикой природе, она буквально пропитана духом экологического воспитания. Например, мультфильм «Бемби». Редкий человек в мире не переживал за оленёнка, жизни которого угрожали охотники, собаки и лесной пожар. А ведь фильм старый-престарый — 1942 года, когда ни о какой «экологизации мировоззрения» не было и речи. Ещё раньше появились книги Эрнста Сетон-Томпсона — непревзойдённые воспитатели сочувствия к диким животным (и без громких лозунгов). Герои Сетон-Томпсона, звери и птицы, не умеют разговаривать и не носят пирожки бабушке, а пытаются выжить, куда люди со всей округи ведут на них охоту.

Напрашивается вывод: конструктивное отношение к сохранению дикой природы воспитывается путём последовательной «демифологизации». Эффективное

экологическое воспитание на Западе осуществляется на практике — в городских парках, где разводится масса животных, в туристических путешествиях и походах волонтеров, безвозмездно помогающих природе. Дети, которые помогали вести профилактику лесных пожаров, или очищали птиц от разлившейся нефти, или работали в питомнике для осиротевших медвежат, уже не станут «варварски» вести себя в лесу.

Возможна ли «демифологизация» природы в России? Да, как новая технология, импортированная с запада. Что уже и происходит: выпущены тысячи детских книг о реальной природе, на каналах ТВ транслируются не только «В мире животных», а порядка сотни программ о природе. Хотя для подлинной «демифологизации» практики явно не хватает.

Сенсационная антропология

В поле нашего зрения регулярно попадают книги, статьи, телепередачи, содержащие антропологические «сенсации». Не следует забывать, что «разоблачения», «загадки и тайны о человеке» — это товар. Его делали не пророки, а обычные работники пера: вначале набрасывали, потирая лоб, а затем доводили до ума на компьютере. Пользуясь теми книгами и журналами, что под рукой, писали то, о чём модно писать последние сто лет: об Атлантиде, снежных людях, гигантах, летающих объектах. Об удивительных случаях и находках невероятной древности. Авторы пользовались навыком школьных сочинений: «завязка — кульминация — развязка». Не боги горшки обжигают! Однако профессионалы знают и то, чему в школе не учат: наибольший спрос находят тексты, созвучные архетипам массового сознания.

Сегодня активны три архетипа: «предок», «новое лучше старого» и «свой — чужой». Поэтому сочинять антропологическую сенсацию нужно по такому шаблону: «У меня есть *новое* знание о *предках* человека, которое отвергает теорию эволюции. Человек не произошёл от обезьяны. Животные нам *чужды*».

У мифического Первопредка должно быть важное качество — *запредельность*. Он существует в ином пространстве (другие планеты, затонувшие земли), времени (в неисчислимую эру Первочеловека: то ли 30 тысяч, то ли миллиард лет назад) и даже в ином поле событий (он летает по воздуху, создаёт сверхпрочные материалы и источники огромной энергии, владеет волшебством).

Согласно второму архетипу нужно воскликнуть: «Старая теория неверна!» Обычно отрицают некую «теорию Дарвина», согласно которой «человек произошёл от обезьяны». Ни о чём таком в «теории Дарвина» не говорится. Её положения можно обрисовать простой схемой:

- 1) зайцы рожают зайцев, а черепахи черепах (*наследственность*);
- 2) все зайцы разные (*изменчивость*);
- 3) чем быстрее бегают зайцы, тем проще ему выжить (*борьба за существование*);
- 4) шустрые особи оставляют больше потомства, и спустя тысячелетия зайцы бегают всё быстрее (*естественный отбор*).

Получив эту схему, человек, только что отрицавший Дарвина, сразу с ней соглашается (если только не говорить ему «Дарвин»). Модель кажется здоровой. Парадокс в том, что «не верят» в неё лишь сами биологи, зная, насколько всё сложнее в природе, как велика роль случая. А профаны, безоговорочно приняв теорию Дарвина, применяют её где ни попадя, объясняя «жестокую борьбу за существование», «отбором» и «эволюционным успехом» все феномены природы и человека.

Отвергая общепринятую «теорию эволюции», люди взамен изобретают что-нибудь своё. Бывает, что это и есть теория Дарвина: «изобретатель» всего лишь припомнил школьную программу, сам того не осознавая (много лет прошло). Надо сказать, что большинство наших сограждан имеют весьма смутное представление о теории эволюции. Насколько оно далеко от реальности, можно показать в виде такой таблицы.

Представления людей о Дарвине

У непрофессионалов

- Дарвин создал теорию эволюции.
- Дарвин придумал борьбу за существование и объяснял этим явление жёсткие нравы человеческого общества.
- Дарвин был неправ, поскольку не имел биологического кругозора.
- Дарвин был атеистом, отрицал Бога. Теория Дарвина враждебна идее Бога.
- Современная наука отвергает теорию Дарвина.
- Дарвин сказал: выживает сильнейший.
- Дарвин сказал: человек произошёл от обезьяны.
- Следствие теории Дарвина: выгоднее быть эгоистом.

У профессиональных биологов

- В XIX веке тот факт, что типы организмов со временем изменяются (эволюционируют), был хорошо известен. Дарвин лишь объяснил, почему это происходит: менее приспособленные оставляют меньше потомства. Слово некий садовник или селекционер, имя которому Природа, делает выбраковку.
- Дарвин заимствовал идею борьбы за существование из трактата Мальтуса о народонаселении. Чтение этого трактата натолкнуло его на мысль, что при такой борьбе должны отметаться невыгодные черты. Однако механически переносить принцип борьбы за существование на человеческое общество он не собирался. Это сделали популяризаторы (иногда говорят «вульгаризаторы») Дарвина, такие, как Э. Геккель в Германии и Д.И. Писарев в России.
- Дарвин был биологом высокого класса и довёл до совершенства немало профессиональных работ. В частности, он провёл скрупулёзные исследования усонюгих рачков и движений растений.
- В отличие от «кабинетных учёных» Европы он проделал кругосветное путешествие, и не просто как турист, а как штатный натуралист, то есть изучение местной биоты входило в его обязанности.
- Дарвин готовился стать богословом. Он предпочёл учиться богословию в Кембридже, оставив занятия по анатомии. Теория Дарвина делает образ Бога более величественным, нежели религия. Она не заставляет Всевышнего создавать и контролировать каждую букашку, а «повышает его в должности» как творца общих законов Вселенной и, в частности, уникальных условий Земли, без которых жизнь была бы невозможна.
- Теория эволюции путём естественного отбора — одна из немногих парадигм науки, которая не была отвергнута последующими поколениями учёных, а лишь расширена и дополнена.
- Дарвин сказал: выживает наиболее приспособленный. В перенаселённых человеческих группах это чаще «среднейший» (потому как «сильнейших» уничтожают ещё в детстве). Кстати, эта ситуация прекрасно смоделирована в телешоу «Последний герой» — выигрывает далеко не самый сильный и напористый.
- Дарвин утверждал: человек и высшие обезьяны имели общего предка. Потому-то человек более всего сходен с другими приматами (а не с грибами или жуками).
- Нередко альтруизм выгоднее эгоизма. Поэтому многие животные тратят свои силы на помощь ближним (в первую очередь своему потомству). Альтруизм обеспечил эволюционный успех таких групп, как птицы и млекопитающие, а также вида *Homo sapiens*.

Видимо, страсть к мифу и стремление к свободе личного мнения заставляет кого-то из нас купить книгу, на обложке которой написано: «Мистер Дарвин, Вы были не правы». А кого-то — попробовать сочинить очередную сенсацию, смешав коктейль из научных фактов, газетных «уток» и эзотерических текстов.

Удовлетворить вкусы самых разных покупателей — целое искусство. Для этого, например, офтальмолог Э. Мулдашев в книге «От кого мы произошли» (М.: АиФ-Принт, 2000) вносит в коктейль «Первопредок» инопланетянина (космос манит всех), атланта (об этих хорошо знает обыватель), лемурийца (эту мифическую землю знают хуже, но звучит загадочно, кстати, находится она где-то в районе Мадагаскара) и тибетца (Шамбалу многие уважают). Неваж-

но, что все указанные «точки происхождения» отстоят на многие тысячи километров: у мифа есть право быть иррациональным.

Другой автор, А. Белов (Антропологический детектив. М.: АиФ-Принт, 2002), вначале доказывает (в несколько ироничном ключе), что люди были гигантами, затем что произошли от ангелов и летали (иначе зачем лопатки?), а также превратились в улиток и даже в растения. Доказать последнее для автора проще простого: корни растения похожи на мозг (оттого и говорят «раскинь мозгами»), а цветки — на половые органы, да и Есенин не зря сказал: «...Как жену чужую, обнимал берёзку...»

«Всё даже очень складно: растения — растущие вниз головой бывшие люди!» — пишет Белов. Автор не невежда, напротив, его познания в биологии обширны. Отчего

же говорит такое? Возможно, разыгрывает читателя, доводя доказательства до абсурда. А может быть, уподобляется художникам-абстракционистам: прекрасно владея классической техникой, те, однако, рисовали «чёрные квадраты», эпатируя публику.

Проблема в том, что многие не понимают ни иронии, ни игры, ни общих целей «сенсационной антропологии», со «звериной серьёзностью» воспринимая сочинителей как пророков и гуру. Тогда как те всего лишь... сказители мифов, только современных. В их текстах всегда присутствует намёк, этакий «sapienti sat — умный поймёт» в виде неизменных опечаток и ошибок в передаче фактов.

Всякий учёный склонен клеймить подобные «лженаучные спекуляции». Однако они приносят и пользу. «Сенсационная антропология» привлекает общество к наукам о человеке, создаёт мнение, что это достойное и интересное занятие. Такую задачу вряд ли выполнят сухие научные работы, понятные лишь горстке специалистов.

Кстати, сама наука нередко создаёт мифы, доказывая их самыми совершенными методами. В частности, под давлением общественности современные генетики развивают модель «прародителей». Суть её в том, что всё человечество ведёт свой род от «митохондриальной Евы» и «Y-хромосомного Адама», появившихся в Африке. Ещё несколько лет назад под ними подразумевали популяцию, а сегодня биологи уже не стесняются называть их индивидуумами. Хотя все помнят, что только популяция, а не особь может быть материалом эволюции (здесь и намёк, «sapienti sat»).

Данная модель выгодна богатейшему американскому обществу: во-первых, научная позиция плавно сползает к библейской модели Адама и Евы, а во-вторых, особую близость к богоподобным прародителям приобретают афроамериканцы (всё более влиятельная сила в США).

Вначале генетикам понадобилось упорство проповедников, чтобы выдержать шквал критики со стороны учёных-эволюционистов. Концепция «прародительницы» не позволяла им ответить на простой до смешного вопрос: были ли у «митохондри-

альной Евы» мама и бабушка? Однако лиха беда начало. Демонстрация строгих лиц, дорогих пиджаков и компьютеров на научных конференциях сделала своё дело: учёные смекнули, что сторонникам модели «прародителей» платят много, и перестали критиковать «Адама и Еву».

«Ах, беда, попирают истину!» — хочется воскликнуть. Если же взглянуть объективно, окажется, что нет никаких истин, а есть потоки информации, которые в равной мере мифологичны. В ноосфере преобладают «полузнания», поверхностные сведения, которые опираются на семантические ярлыки (в потребительском обществе их называют «брендами» — торговыми марками).

Так, большинство людей, восклицавших «Нострадамус» или «Атлантида», «Библия» или «Дарвин», оригинальных текстов в глаза не видели. В лучшем случае полистали вольные переложения (вышедшие из-под пера скромных переводчиков и редакторов). Да читать их и не нужно, достаточно назвать бренд, доказать, что ты сбываешь или потребляешь модный информационный товар.

Ничего плохого — иначе не будет общения, а стало быть, и самого общества. Общество нуждается в мифах. Они позволяют человеку строить картину мира, быть собой и быть как все, сблизиться с одними и отъединиться от других людей. И тексты Мулдашева или Белова хороши уже тем, что помогают ему в этом.

Миф о том, что дети «БЗНАДЁЖНО ПЛОХИ»

«Материалы и методы»

С 1980-х по 2000-е годы поток информации, доступный россиянину, изменился кардинально, что можно назвать информационной революцией. Однако в этом потоке наблюдается явный перекокс в сторону негативных стимулов. Насилие, разрушение, безысходность стали модой литературы и кино. За десять лет растущий ребёнок может увидеть на экране многие тысячи сцен насилия, смерти, секса.

Это оказывает влияние на психику. Учёные многократно проводили эксперименты, чтобы доказать: просмотр боевиков делает людей более импульсивными и агрессивными. Но жизнь отличается от условий психологической лаборатории. И если взглянуть на реальное человеческое общество, заметно несоответствие: в ответ на негативное влияние среды дети не стали настолько хуже, как можно было бы ожидать.

Сегодня не принято подвергать сомнению тот факт, что дети «безнадёжно плохи»: растёт число правонарушений и одурманивания в среде молодёжи, падают нравственность, творческий, физический и умственный потенциал. И всё же я бы хотел поработать над противоположной идеей и развить такие тезисы:

- среди российской молодёжи 2000-х велика доля вполне достойных людей;
- в среднем сегодняшние дети не хуже, а даже лучше детей советских;
- их «испорченность» — это образ мифологического знания, который не подтверждается знанием эмпирическим.

Соответственно, аргументируя эти тезисы, я буду пользоваться собственным эмпирическим опытом. Как уже говорилось в начале статьи, обыденное знание формируется из двух потоков: мифологического (мнения других людей, общественные установки) и эмпирического (то, что человек познал на собственном опыте). Эмпирическое знание тоже не лишено предвзятости: оно зависит от эмоций, субъективных предпочтений и особенностей восприятия. Чем больше количество наблюдений, тем выше его достоверность.

Мой индивидуальный опыт вполне представительный: в период с 1996 по 2003 годы я наблюдал (без обследования — лишь глазами педагога) около десяти тысяч воспитанников в трёх крупных школах и четырёх лагерях. Выборка была разнородная: индивиды от пяти до восемнадцати лет из Москвы, Подмосковья, с севера Европейской части России, из Сибири и Дальнего Востока. Дети бо-

гатых родителей и сироты из интернатов, дети интеллигенции и буровиков, дети из неблагополучных семей (эти оказались «труднее» всех) и даже беспризорники.

Я могу сравнить их примерно с пятью тысячами советских детей, которых наблюдал в 1975–1988 годы, пока сам был несовершеннолетним. Выводами я ограничусь нестрогими: когда число наблюдений велико, интеллект способен делать те же выводы, что и статистический анализ (этот факт хорошо известен антропологам). Статистика лишь «выдаёт документ» об их достоверности.

Дети 1980-х

...То были не столько наблюдения, сколько сама жизнь, довольно блеклая, признаться. Как можно больше времени трать впустую — таким девизом я бы снабдил наше детство. Мы посиживали на серых уроках и собраниях, уча ненужные факты или перемыывая косточки — от соседей по парте до «служителей империализма». Не было ни учёбы, ни стимулов к ней. Иметь амбиции не разрешалось. Я ничему не учился, хотя, конечно, выполнял какие-то «упражнения», «примеры», получал позитивные отметки. Зато по понедельникам делал политинформацию. Помню, когда мы горячо обсуждали тревожную ситуацию в Намибии, я засмотрелся в окно: там, над океаном, опираясь на Алеутские острова, величественно поднималось солнце...

Похоже, нас специально «переключали», чтобы, не дай бог, мы не приобрели каких-либо ценных знаний или полезных навыков. Сидя на краю Камчатки, мы рассуждали о Намибии. Нас отличала поразительная незрелость, способность рассуждать только на абстрактные темы. Гражданская безграмотность лишила нас способности построить правовое общество. Мы были переполнены пафосом, который демонстрировали в спорах о поп-музыке или роли Бухарина в мировой революции, прошляпив революцию, свершившуюся у нас под носом.

Известно, какое политическое влияние имели студенческие волнения в Европе, США или Китае. С советской молодёжью поступили хитро: её энергию во время перестройки отвлекли на пустое. Вспомни-

те тогдашние ТВ-программы: «Мир и молодёжь», какой-то там «12-й этаж»... Молодёжь боролась за «свободу», думая, что это хард-рок, пиво, видеофильмы и западные товары. Когда мы это получили — успокоились. А великих политических преобразований даже не заметили.

К своим учителям, вожатым и другим наставникам мы относились недоброжелательно, без тени благодарности. Они платили нам чопорностью, отчуждённостью, открытой враждебностью. Встретить учительницу вне школы было даже как-то неприлично. «У нас не личные, а производственные отношения», — внушала нам учительница истории. Раз это так, казалось бы, чего проще: учи и учись. Ан нет, — то была «холодная война» двух лагерей: в одном дислоцировались «стервы» и «крысы», а в другом — «гады, фашисты и сволочи». Так нас называли — и было за что: на скучнейших уроках мы шумели. Мы ковыряли парты. Плевались.

Без особой выгоды, из «принципиальных соображений» (или просто из вредности) мы наносили обиды окружающим: учителям или одноклассникам. Притом что особых страданий никто не испытывал. Педагоги получали рублей по шестьсот — Камчатка. У детей было не больше шести уроков. Чем плохо? Просто никто не знал техники цивилизованных отношений.

А «плохих» детей разве не было?

В любом классе, отряде существовал некий слой двоечников, драчунов, агрессоров, жестоких хулиганов да и просто мерзавцев, которые отравляли педагогам всю работу, а детям — пребывание в школе. Сколько? Не так уж мало: 4–5 человек на класс (после восьмого большинство из них отправлялись в ПТУ). То есть около 10–15%. По законам статистики, это число превышает долю отклонений от нормы в нормальном распределении (4,6%). В каждом микрорайоне набиралось до полусотни несовершеннолетних негодяев, которые собирались в подвалах, на задворках, а иногда и посреди улицы. Они грабили и колотили приличных детей, которых родители «со спокойной душой» отпустили гулять. В милицию, впрочем, никто не жаловался.

Дети 2000-х

Теперь опишу свои впечатления от детей конца 1990 — начала 2000-х. Уже укоренившаяся привычка заставляет нас ожидать, что за этой фразой следует что-нибудь вроде: «Это какие-то чудовища!» Отнюдь нет.

В наблюдаемых мною коллективах доля «трудных» детей не увеличилась (как следовало бы ожидать), а, пожалуй, даже уменьшилась. Настоящие «злодеи» вообще куда-то подевались. Редкие случаи асоциальности объяснялись стрессом или психопатологией, которые требовали коррекции и лечения. В школах я наблюдал не более 5% неуправляемых детей, с которыми действительно «сложно». И это там, где детям некуда выплеснуть своё стремление к движению, к независимости, свою естественную агрессию. В лагере же, где много интересных занятий, эта доля и того меньше. Настоящую враждебность, жестокие поступки допускали примерно пять человек на тысячу, то есть менее процента. (Вспоминаю, как в былые времена взаимная жестокость, насмешки, «подколки» были обычным делом даже среди близких товарищей.)

Укладывая детей спать, проводя с ними экскурсии и занятия и вообще находясь где-то рядом, я слышал обрывки их разговоров и собрал представительный объём случайных наблюдений. После чего сделал вывод: оставшись без контроля взрослых, они не позволяют себе таких пошлостей, которые звучали в разговорах и действиях моих сверстников в 1980-х. Этот вывод подтверждается впечатлениями многих моих респондентов разного возраста.

В целом число детей, которых товарищи и педагоги интуитивно наделяют характеристикой «плохих», в наблюдаемых мною выборках сократилось более чем вдвое.

А теперь подсчитаем, на сколько изменилось количество увиденных ими сцен насилия, эротики, жестокости и прочей грязи на экране. Боже мой, да за это время оно возросло в десять тысяч раз! Экран «залит кровью», а дети оказываются мягче, добрее, сострадательнее и просто душевнее. На эк-

ране «разврат», а среди детей необъяснимо много скромных, целомудренных, религиозных и терпимых к инаковости людей.

Да, современные дети более агрессивны, открыто сквернословят (а следят ли за речью окружающие их взрослые?). Отчасти это связано с тем, что они менее скованны. Ослабела традиция воспитания путём унижения: «Замолчи! Не смей говорить таким тоном!», с помощью которой были воспитаны целые поколения «не смеющих говорить» людей. Пошатнулась догма «взрослый всегда прав». Современные дети перестали безоговорочно подчиняться приказам старших. Но это не значит, что они непослушны: они прекрасно выполняют правила и слушаются, если это важно для дела или безопасности.

Мы полагаем априори, что культ насилия на экране должен превратить детей в злобных монстров с железными кулаками. Результат же противоположный. Наши отцы и старшие братья любят рассказывать, какие драки кипели в их школах на каждой перемене. Дрались даже первоклассники — класс на класс. Сегодня это редкое явление: в среднем дети слишком добры, рассудительны и слишком слабы физически, больше находятся под контролем взрослых.

За исключением редких аутсайдеров, современные дети дружелюбны друг к другу, ищут взаимной пользы от общения. И, что удивляет и радует, они дружелюбны по отношению к взрослым. Запуганные бесконечными «бандитами» и «маньяками» (которые подстерегают их если не за каждым углом, то уж точно в каждой газете), дети всё равно тянутся к взрослым. Ищут неформального общения. Доверяют свои беды. Мальчишки тепло отзываются о своих учителях. Причём не при формальном опросе, а в частных беседах друг с другом. Почти не дают им обидных прозвищ.

В нашу бытность проявления «человечности» школьниками были редкостью. Сердцем, может, мы и хотели любить кого-нибудь из взрослых, кем-то восхищаться. Но на практике — почти никогда. Новый

учитель входил в класс, «стреляя первым». Как дрессировщик в клетку. Да там и были звери! Довольно милые, как я сейчас понимаю, «звери» двенадцати лет от роду. Однако такой была традиция. Её поддерживали и взрослые, и дети. Я помню поветрие «объявлять бойкот» по любому поводу — сейчас этого нет.

В 2000-х отношения детей, которых я наблюдал, стали более рациональны. Они тепло относятся к товарищам, ослезанно любят и уважают родителей, братьев и сестёр (а для нас это были некие «предки», «родичи»).

Средства защиты

Я привёл свою эмпирическую оценку не столько для того, чтобы похвалить детей 2000-х, сколько чтобы задуматься над вопросом. Почему дети, которых изо дня в день буквально зомбируют: «станьте киллерами», «деньги — это всё», «будьте развратными» — стремятся поступить в университет, стать врачами или музыкантами? И на вершине шкалы ценностей у них не «карты, деньги, два ствола», а семья, безопасность, здоровье, благополучие близких, профессиональные умения и даже такие понятия, как честь и нравственность.

Видимо, у детского сознания есть защитные механизмы. Не забывайте, что мозг человека — это информационная машина, не имеющая равных. Неужели же природа не снабдила её защитной программой, «антивирусом»?

Неверно думать, что, глядя на экран, дети автоматически берут на вооружение то, что там видят. Это не живые механизмы, управляемые по принципу «стимул — реакция». Начнём с того, что у них быстро развивается привыкание — влияние стимулов ослабевает во много раз. Были времена, когда поцелуй на экране вызывал бурную реакцию зала. Я помню, как мои одноклассники почти лишились сознания на просмотре фильма «Экипаж» — пока женское тело секунду-другую виднелось сквозь большой аквариум. Современные дети воспринимают куда более откровенные сцены весьма равнодушно.

Есть и более высокий уровень защиты. Он заставляет нас... относиться к мифу как к мифу, превращать его восприятие в ритуал. Конечно, дети сопереживают героям мультфильма или боевика, сжимают кулачки и вскрикивают, однако они умеют разграничивать миф и реальность, мир обыденный и мир «по ту сторону экрана». Известны случаи, когда, насмотревшись боевиков, подростки убивают товарищей. Но их единицы, хотя такое кино смотрят миллиарды детей. То есть причина не столько в самом фильме, сколько в психическом отклонении зрителя.

Для того чтобы перейти к практике, одних фильмов мало — нужно учиться настоящему бою в реальности. Как это делают малолетние бандиты или подростки-боевики, которых наставляют взрослые злодеи. Агрессивный ритуал и бой — разные поведенческие стратегии. Задача первого — испугать, изгнать, а второго — убить. Когда готовят бойцовскую собаку, её отучают от ритуала агрессии, чтобы вместо рычания, толчков грудью и прочих «нежностей» она сразу вцеплялась в горло.

Многие мои собеседники уже выразили несогласие этим идеям, твердя: у вас нет опыта, молодой человек, ваши доводы далеки от реальности и дети у нас всё равно никуда не годятся. Я готов отказаться от всех умозрительных аргументов, кроме одного: «негативное воспитание» усилилось тысячекратно, дети же в тысячу раз не ухудшились. Потому что общество, как большое озеро, способно к самоочищению.

Идея о том, что наше общество находится в страшном упадке, что Россия гниёт, а её дети превращаются в монстров, это миф, который навязывают нам с редким упорством. Ибо миф этот *выгоден*. Хотя бы тем, кто хочет поставить Россию вне конкуренции, отстранив её от соревнований. Пусть она сидит на скамье штрафников, будучи дисквалифицирована по всем статьям. Выгоден он и тем, кто, опираясь на социальную апатию, получает незаконный доступ к источникам благополучия. Но почему «миф об ущербности» с такой готовностью подхватывает остальное население? Это сложный вопрос, требующий погружения в этнопсихо-

логию, в анализ архетипа ущербности. Когда-нибудь мы порассуждаем и об этом.

Я неоднократно наблюдал, как люди транслируют и подхватывают «миф об ущербности» — в частных беседах и с высокой трибуны. Развивая тему статьи, я хотел бы привести хороший пример, рассказав об одном подобном мероприятии. Только я не вполне разгадал статус его участников: были они теми, «кому выгодно», или теми, «кто подхватывает»?

Миф о плохой России

Летом 2002 года в лагере «Кавказ» обосновались участники Ассамблеи поколений «Молодёжь за культуру мира и ненасилия». В рамках форума был также организован «круглый стол» «Родительский набат — защитим детей от растления». Для этого заседания меня попросили подготовить кабинет-музей, где я преподаю. Соответственно, я остался присутствовать, набраться сведений, а то и выступить с энергичными умозаключениями.

Как водится, задачи «круглого стола» были глобальны. Ни много ни мало: *«потребовать»* от полномочных структур внесения законодательных инициатив в УК РФ, в закон о СМИ, в закон об основных гарантиях прав ребёнка по созданию правовых механизмов защиты детей от растления. Поставить перед МВД и ГУВД вопрос о недопущении реализации порнографической продукции...»

С первых же выступлений «требователей» стало ясно, что это мероприятие проводится скорее для «галочки», чем для пользы дела. Речь на нём шла о сексе и агрессии в СМИ. Звенели громкие и правильные слова: жестокость, насилие, вандализм! Задворки третьего мира уготованы нашим детям! Духовный и нравственный вакуум! Уродуются души детей!

Участники заседания делали подобающие случаю мрачные лица. Если кто-нибудь из присутствующих пытался развеять атмосферу, мол, не всё так плохо, есть и редкие случаи позитива, — его резко перебивали: «Это всё эмоции!»

Это уже потом я понял, в чём политика собрания. А вначале был изумлён и категорически не согласен. Не с тем, что эти вопросы следует поднимать вообще, а с тем, чтобы *важное подменять малозначительным*.

Начнём с «антропологических» противоречий. Во-первых, если души детей «уродуются», да ещё в течение десяти лет, значит, и результат должен быть налицо. Однако я не могу назвать наших детей уродами (как уже аргументировал выше). Вопреки всем стараниям изобразить (и сделать) их таковыми. Во-вторых, фильмы и передачи, которые обличало собрание, поступают к нам из таких стабильных стран, как Великобритания и США. Создавшие эти условия люди смотрели пресловутые телепрограммы, что не помешало им стать законопослушными и добропорядочными гражданами. Тогда как советские дети, глядя «В гостях у сказки», стали теми, кто «всё развалил, разворовал, довёл страну до ручки» (как принято у нас говорить).

На мой взгляд, главная беда массовой культуры в России не в «растлении».

Гораздо опаснее для общества антинародная пропаганда: то, что каждый день с экрана льются заученные фразы, с одним смыслом: «Россия — худшая страна в мире», «мы — самые плохие», «наши дела не клеятся, ведь у нас нет денег», «ситуация — хуже некуда», «нет даже надежды». (Справедливости ради признаем, что пик этой пропаганды, приходящийся на середину 1990-х, миновал.)

А тем временем Россия живёт. Это далеко не худшая страна, уровень жизни здесь не низкий, не высокий — средний. У страны есть важный плюс: она динамична и быстро заимствует полезные технологии. За последние двадцать лет Россия изменилась больше, чем иные страны за век. Причём изменилась в лучшую сторону, вопреки климату событий 1990-х. (Могу порекомендовать источники, например, книгу А. Горянина «Мифы о России и дух нации» (М.: Pentagraphic, 2002) с объективным анализом ситуации в России.)

Говорят, «собака лает — караван идёт». Не всё так просто. Негативная пропаганда порой наносит больший ущерб обще-

ству, чем сами проблемы, которые она освещает. В России она является эффективным информационным оружием, использование которого выгодно криминалитету и власти. С анализом этого явления можно познакомиться в статье Д. Юрьева «Апокалипсис напрокат» (Эксперт. 2000. № 39. 16 окт.).

«Патриа де мурьете!» — подумал я и решил выступить, поведать о своих сообщениях на «круглом столе». А в конце предложил внести в меморандум (скорее всего, никому не нужный) такое пожелание: «Препятствовать пропаганде негативного образа России в СМИ, который далёк от объективной оценки и деструктивно действует на сознание молодёжи».

Моя речь вызвала кислую реакцию. В аудитории повисло молчание. Организаторы ухватились за подбородки: какой-то местный вожатый оказался научным занудой из МГУ, ещё и публицистом. Нельзя прикрикнуть на него «это всё эмоции» — доводы представлены математические. Нельзя выставить его за дверь — всё-таки он хозяин кабинета (вот опять: кормит в аквариуме жабу).

Разрешить проблему взялся молодой человек с фигурой борца и лоснящимся лицом комсомольского деятеля (да он и был деятелем молодёжного союза одной из партий). Он многозначительно потёр кулаки, извинился за сорванный голос и как нельзя громче проревел: «Нужны ли нам люди, которые живут в сладком дурмане и видят только позитивное! Нет, нам нужны негативные сигналы, чтобы доказать, что мы ещё живы! Нам нужен страх — это естественная потребность человека». Тогда кто-то из слушателей спросил его: «У вас есть дети?»

А я наконец-то увидел, как это делается. Как продавливаются мифы пропаганды, удобные для превращения людей в «ботву», которую легко окучивать и стричь, прорвавшись к власти. Впрочем, своего я добился: заставил идеи «витать в воздухе», чтобы понимающие люди их восприняли. И так выполнил свой принцип: не стараться исправить мир, не взывать к неопределённо-личному правительству, а работать с конкретными людьми и на своём конкретном участке. Вода камень точит. **ИИ**